

© 2006 г.

ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ. Римские древности. Т. 1–3. Перевод с древнегреческого / Отв. ред. И.Л. Маяк. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т. 1. 272 с. с илл.; Т. 2. 274 с. с илл.; Т. 3. 320 с. с илл.

Издание первого перевода на русский язык труда «Ῥωμαϊκὴ ἀρχαιολογία» Дионисия Галикарнасского – событие столь значительное не только для профессиональной среды антиковедов, но и для отечественной культуры в целом, что я не побоюсь поставить его в один ряд с публикацией Н.И. Гнедичем перевода «Илиады» в первой трети XIX века. Выход в свет этого трехтомника – наглядное свидетельство тому, что традиции изучения античного наследия в России не прервались, а наоборот, крепнут, и интерес к нему ширится, облагораживая общественное сознание и обогащая интеллектуальную жизнь.

Масштабность задачи потребовала для ее решения более десяти лет времени и серьезных усилий коллектива специалистов, научным руководителем которого и ответственным редактором издания выступила профессор И.Л. Маяк, чье имя, и без того уже надежно вписанное в анналы науки об античности, связано будет отныне – не только в восприятии современников, но и в памяти потомков – с этим подвижничеством. Координатором работы явился Л.Л. Кофанов, организаторские усилия которого достойны всяческих похвал, ибо они увенчались по-настоящему плодотворным результатом.

Весь коллектив переводчиков, куда вошли, кроме уже названных И.Л. Маяк и Л.Л. Кофанова, также А.М. Сморгчов, В.Н. Токмаков, Н.Г. Майорова, А.В. Щеголев, А.Я. Тыжов и И.М. Наджафова – заслуживает не просто самых добрых слов за представленный итог напряженного труда, но настоящей признательности со стороны коллег, которую я в данном случае и выражаю.

Наибольший объем собственно переводческой работы выпал на долю Н.Г. Майоровой и А.М. Сморгчова, – каждому из них принадлежит в итоговой публикации около 200 страниц текста на русском языке, т.е. на них вдвоем приходится более его половины. Весомым является и непосредственно переводческий вклад И.Л. Маяк – свыше 120 страниц. Задача общего историко-литературного редактирования была возложена на В.Н. Токмакова, выбор которого на эту роль следует признать оптимальным. Редактирование перевода отдельных книг Дионисия осуществлялось отчасти внутри группы переводчиков (и весьма успешно), для одиннадцати книг его квалифицированно провела И.Ю. Шабага.

Любой перевод, особенно с древних (мертвых) языков, это всегда толкование, это неизбежно интерпретация сказанного в оригинале, без которой невозможна адаптация к другому языку. Качество и направленность такого толкования текстов на классических языках во многом определяются не только филологической квалификацией переводчиков, но и сферой их профессиональных интересов. Поскольку переводчики рецензируемого издания по образованию и роду занятий являются, преимущественно, историками, причем исследовательски глубоко знающими именно римскую архайку, они обеспечили высокий уровень русскоязычной версии «Римских древностей» с точки зрения ее соответствия вложенному греческим автором в каждую фразу своего повествования историческому смыслу. В историографии новейшего времени был поставлен резонный вопрос – является ли данный труд Дионисия сочинением упражняющегося на историческом материале ритора, или же это – украшенное риторическими украшениями сочинение историка, т.е., иначе говоря, к какому все-таки жанру – риторическим или ис-

торических произведений – его следует отнести¹. Благодаря исторической ориентированности переводчиков русский перевод более способствует второму восприятию. Подчеркивание лексическими нюансами (при передаче содержания) характера и значения труда Дионисия именно как факта античной историографии убеждает читателя, что перед ним в полном смысле этого слова историческое произведение².

Отличительной чертой сочинения Дионисия по истории раннего Рима – которая собственно и позволяет отдельным исследователям отказать ему в праве называться историком, – является обилие речей. Эти речи, будучи ориентированными на классические примеры Демосфена, Фукидида и Ксенофонта, демонстрируют риторический талант и опыт самого автора, заняв около трети совокупного текста его труда³. «Ораторские дуэли» исторических персонажей, разумеется, литературная форма, но речи, которые конструировал Дионисий, «должны были, – как отмечает Дэвид Поттер (подчеркивающий ясность и хорошую сбалансированность повествовательных частей греческого текста Дионисия), – соответствовать их теме и говорящему»⁴. Передача на русский язык таких речей требовала особого внимания к стилистической унификации при переводе различных книг разными переводчиками, с тем, чтобы произведение и в иноязычном исполнении сохранило как литературную цельность, так и единство характеристик особенностей римской ментальности, заключенное в немалой степени в словесном оформлении мыслей и чувств людей, произносящих речи. Эта задача, не такая простая в практической реализации, была, на мой взгляд, довольно успешно решена, в чем я вижу заслугу в первую очередь В.Н. Токмакова, опытная редакторская рука которого чувствуется вполне отчетливо.

Глубокое осознание переводчиками – именно в качестве историков-специалистов – огромной значимости «Римских древностей» как источника по царской эпохе истории Рима и его ранней Республике обеспечило бережное и взвешенное отношение к каждому слову (особенно в понятийном пласте), использованному Дионисием для отражения в греческих терминах римских исторических реалий. Но как раз в понятийно-терминологическом пласте (в его «двухуровневости»: верхний – греческий, нижний, скрытый – римский, латиноязычный) заключались, на мой взгляд, одни из самых больших трудностей переводческой работы. Рассмотрим их на конкретном примере, взяв в качестве такового один из тех случаев, когда утверждение Дионисия и его терминология служат решающим аргументом для обоснования исследователями принципиально значимых выводов.

Так, – при опоре именно и только на Дионисия, – автор крупной (и по существу единственной) специальной работы по возникновению римского эдилитета Михаэль Эрнст в качестве одного из главных положений своего исследования утверждал, что должность курульных эдилов не была введена как результат стремления патрициев (отчужденных от эдилитета при его возникновении) учредить должность, аналогичную по функциям уже имевшейся плебейской, появившейся на заре Республики в качестве дополнения к плебейскому трибунату⁵. Основопологающая мысль М. Эрнста при реконструкции процесса возникновения эдилитета сводилась к тому, что помощники плебейских трибунов не имели функций, свойственных aediles (чья магистратура была создана в 367 г. до н.э. для выполнения задач cura urbis, annonae ludorumque) и даже не назывались эдилами⁶. Ключом для решения проблемы в пользу такой точки зрения

¹ Отто Ленгле, например, на этот вопрос отвечал так: «Dionysos von Halikarnaß war... kein rhetorisierender Historiker, sondern ein historisierender Rhetor...» См. *Lengle O. Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: von Hekataios bis Zosimos*. Darmstadt, 1992. S. 242, утверждая тем самым, что Дионисий не был историком, а его труду свойствен примат риторического. Йорг Рюпке, наоборот, подчеркивал, что труд Дионисия «vor allen Dingen ist ein Geschichtswerk, in dem Reden dominieren...» (прежде всего – исторический труд, в котором преобладают речи...) См. *Rüpke J. Römische Geschichtsschreibung. Zur Geschichte des geschichtlichen Bewusstseins und seiner Verschriftlichungsformen in der Antike*. Potsdam, 1997. S. 165.

² Приведем простой, но весьма наглядный пример. Слова 'Αποδεδοκῶς δὲ τὸν ὑπὲρ τῆς προαιρέσεως λόγον ἐπι βούλομαι καὶ περὶ τῶν ἀφορμῶν εἰλεῖν, αἷς ἐχρησάμεν ὅτ' ἔμελλον ἐπιχερεῖν τῆ γραφῆ (I. 7. 1) переводятся в рецензируемом издании так: «Поведав о своем выборе, я хочу еще добавить о тех источниках, которыми я воспользовался, когда вознамерился приступить к этому сочинению...» – где выбор слова «источник» для перевода существительного ἀφορμῆ (отправная точка, средство и т.п.), придает отчетливую историчность тексту в восприятии его современным русским читателем, для которого «источник» – элемент терминологии исторической науки.

³ *Lengle. Op. cit. S. 241; Gabba E. Dionysius and the History of Archaic Rome*. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1991. P. 191; *Rüpke. Op. cit. S. 165*.

⁴ *Potter D. Literary Texts and the Roman Historian*. L.–N.Y., 1999. P. 133.

⁵ *Ernst M. Die Entstehung des Ädilienamtes. Inaugural-Dissertation*. Paderborn, 1990. S. 50.

⁶ *Ibid. S. 60*.

М. Эрнст называл высказывание Дионисия, содержащееся в шестой книге его «Римских древностей» (VI. 90. 2–3)⁷.

Согласно анализу указанного фрагмента, проведенному немецким историком, два помощника плебейских трибунов, созданные в результате первой сецессии плебеев, называются у Дионисия только *υπηρέται* (что соответствует, как он отмечает, латинским понятиям *minister*, *adiutor*, *apparitor*), т.е. у греческого автора подчеркивалось – самим обозначением должности – их самостоятельность, подчиненное положение⁸; компетенция же их предполагала помощь трибунам в разных делах, но особенно в судебных⁹. Магистратура эдилов, созданная по законам Лициния–Секстия, называется у Дионисия термином *ἀγορανόμοι*, в соответствии с их функцией наблюдения за торговлей и порядком на рынке, – как аналог греческих агораномов. Принципиальным рассуждением М. Эрнста при этом является понимание следующей фразы Дионисия: *λαβόντες δὲ καὶ τοῦτο τὸ συγχώρημα παρὰ τῆς βουλῆς ἀποδεικνύουσιν ἄνδρας, οὓς υἱερέτας τῶν δημάρχων καὶ συνάρχοντας καὶ δικαστὰς ἐκάλουον* (VII. 90. 3). По мнению М. Эрнста, в выражении *υπηρέται τῶν δημάρχων καὶ συνάρχοντα καὶ δικαστοὶ* названием должности является только *υπηρέται τῶν δημάρχων*, а оставшаяся часть – это определение, которым Дионисий стремился обозначить коллегиальность данных помощников в отношении друг друга при судебной деятельности¹⁰. Не коллегиальность их с плебейскими трибунами (как это усматривал, например, Э. Кэри и другие авторы), а взаимная коллегиальность. В рецензируемом издании дан следующий перевод: «Получив эту уступку от сената, они избрали людей, называемых помощниками и коллегами трибунов и судьями». Смысловое наполнение здесь как у Кэри – «коллеги трибунов», а не варианта трактовки, вытекающего из анализа М. Эрнста и представляющегося мне ничуть не менее (в том числе, исходя из грамматики) приемлемым, – «называемых помощниками трибунов, а также коллегами и судьями». Это – выбор переводчика, который мне не кажется оптимальным, но который он вправе предпочесть. Желательно, правда, на мой взгляд, оговорить имеющееся расхождение трактовок этих слов в историографии, но я вполне осознаю, что по каждому понятию исследовательскую литературу во всем ее разнообразии – даже в принципиальных моментах – знать невозможно.

Больше вопросов вызывают у меня вводимые иногда в текст перевода уточнения, при помощи которых читателю дается «подсказка», о чем идет речь, – возникают сомнения в их необходимости. Продолжим – для компактного примера – цитату перевода названного фрагмента: «Но теперь они по одной из их обязанностей, называются на их собственном языке надзирателями за священными местами, или эдилами, и их власть более не подчинена власти других магистратов, как прежде, но многие дела значительной важности вверены им, и в большинстве отношений они, некоторым образом, похожи на имеющих у греков «агораномов», то есть рыночных смотрителей». Такой «подсказкой для непосвященных» является указание на латинское название должности, приведенное на русском языке («эдилы»), данное переводчиком, получается, если заглянем в текст на языке оригинала, более от собственного лица, чем от имени Дионисия, не транслитерировавшего на греческий латинское название. (Нет и указаний на чью-либо конъектуру.) После уточнения в тексте перевода – «или эдилами» – дан комментарий в подстрочнике о функциях эдилов (главным образом, ранних плебейских помощников). Было бы корректнее в этой же сноске указать, что под «надзирателями за священными местами» имеются ввиду эдилы, а не вводить это название непосредственно в текст перевода (стереотип исследовательского восприятия, пусть даже никем не оспариваемый, и собственно сохранившийся текст Дионисия тем самым можно было бы разделить).

Сказанным я в первую очередь хочу подчеркнуть всю сложность труда переводчиков, вариативность их выбора при постоянно возникавших вопросах о том, что предпочесть, большую

⁷ *ἀποδόντες δὲ καὶ τοῖς ἐν τῇ πόλει θεοῖς χαριστήρια, καὶ τοὺς πατρικίους πείσαντες ἐπικυρώσει τὴν ἀρχὴν ψήφον ἐπενέγκαντας, ἐπειδὴ καὶ τοῦτου παρ' αὐτῶν ἔτυχον, ἐδεήθησαν ἐπὶ τῆς βουλῆς ὑπηρετοὶ σφίσι ἄνδρας ἐκ τῶν δημοτικῶν δύο καθ' ἕκαστον ἐνιαυτον ἀποδεικνύονα τοὺς υἱερέτησοντας τοῖς δημάρχοις ὅσων ἂν δέωνται κατὰ δίκας, ὡς ἂν ἐπιτρέψωνται ἐκεῖνοι, κρινούσοντας ἱερῶν τε καὶ δημοσίων τόπων καὶ τῆς κατὰ τὴν ἀγορὰν εὐ-ετηρίας ἐπιμελῆσομένους. λαβόντες δὲ καὶ τοῦτο τὸ συγχώρημα παρὰ τῆς βουλῆς ἀποδεικνύουσιν ἄνδρας, οὓς υἱερέτας τῶν δημάρχων καὶ συνάρχοντας καὶ δικαστὰς ἐκάλουον. νῦν μέντοι κατὰ τὴν ἐπιχώριον γλῶτταν ἀφ' ἐνός ἂν πράττουσιν ἔργων ἱερῶν τόπων ἐπιμελῆται καλοῦνται καὶ τὴν ἐξουσίαν <οὐκέθ' > υἱερετικὴν ἑτέρων ἔχουσιν, ὡς πρότερον, ἐπιτέτραπται δ' αὐτοῖς ἑτέρων ἔχουσιν, ὡς πρότερον, ἐπιτέτραπται δ' αὐτοῖς πολλὰ καὶ μεγάλα, καὶ σχεδὸν ἔοικασι πᾶς κατὰ τὰ πλεῖστα τοῖς παρ' Ἑλλησιν ἀγορανόμοις.*

⁸ *Ernst. Op. cit. S. 54.*

⁹ *Ibid. S. 52.*

¹⁰ *Ibid. S. 53.*

«ясность» текста для читателя, имеющего лишь ознакомительные цели (здесь подсазанная стандартность профессионального восприятия уместна и полезна) или большую его адекватность оригиналу (при меньшей понятийно-терминологической определенности) для читателя, исследовательскую мысль которого желательно разбудить уже при прочтении перевода (здесь готовые, неизбежно шаблонные, «подсказки», вкрапленные прямо в текст, могут только повредить). Все-таки гораздо чаще переводчики шли по тому пути, который я считаю верным, – они помогали читателю определиться с пониманием текста через подстрочные примечания, и, соответственно, например, «предсказатели и толкователи священнодействий» только в подстрочнике, а не прямо в тексте, называются авгурами и понтификами, а «жрецы-миротворцы» там же – в подстрочнике – фециалами и т.д. Степень уверенности при таком комментарии, естественно, может быть различной (от предположения до констатации), но даже твердое мнение комментатора не блокирует для читателя возможность иной интерпретации, как это неизбежно происходит при «ненавязчивом» вpletении таких уточнений непосредственно в текст источника.

Дионисий писал «Римские древности», имея свои представления о том, как должно создаваться историческое произведение, – он пытался определить историю как жанр, проследить ее развитие на протяжении веков, начиная от наиболее ранних авторов, практиковавшихся в этом жанре¹¹, выдвигал требования к историкам и формулировал принципы создания исторических трудов¹². Он стремился как при описании событий, так и при аргументации своих утверждений «фокусироваться на деталях»¹³, подчеркивал значение персональных качеств и личной судьбы в трактовке причинных связей¹⁴. Его труд отличается «обширной программой» и «содержательным многообразием»¹⁵, а автор продемонстрировал своим сочинением возможность соединения анналистического подхода к историческому процессу, риторики и сведений антикварного характера¹⁶. Все эти особенности труда Дионисия обусловили необходимость как обобщающей источниковедческой статьи в приложении к изданию, так и «точечного», очень разнообразного (хронологического, географического, топографического, этнологического, метрологического, биографического, публично-правового и пр.) комментария в подстрочнике.

Источниковедческая статья написана И.Л. Маяк в виде емкого очерка¹⁷, дающего всестороннюю характеристику произведению Дионисия Галикарнасского, включая степень сохранности, переводы на новые языки, обобщенный анализ содержания. И.Л. Маяк приводит изменение оценок, дававшихся труду Дионисия в историографии, показывает особенности хронологической канвы и источниковой базы его сочинения, а также методики работы греческого автора с источниками. Подробно анализируется степень достоверности приводимых Дионисием сведений, берутся для сопоставления новые археологические и эпиграфические данные и их интерпретации в современном зарубежном антиковедении. И.Л. Маяк блестяще демонстрирует на ярких примерах источниковые возможности, которые потенциально содержит его произведение и которые открываются квалифицированному исследователю. В частности, речь идет о лежащем отнюдь не на поверхности информативном слое труда Дионисия, который еще всерьез не разрабатывался, – сведений о индоевропейской культуре, о языковом родстве многих народов европейского побережья Средиземного моря. Специальное внимание И.Л. Маяк уделяет источниковым ресурсам труда Дионисия для изучения краеугольной проблемы современной науки – античной полисной организации и специфики римской *civitas* как варианта гражданской общины. В концентрированном виде в данной статье отражены не только результаты глубоких наблюдений над текстом Дионисия, но и многогранный исследовательский опыт ведущего отечественного специалиста по раннему Риму, которым Ия Леонидовна щедро делится с читателем, может быть, и не всегда в полной мере осознающим, из какой сокровищницы и какие богатства ему дается возможность почерпнуть.

¹¹ Higbie C. *The Chronicle and the Greek Creation of their Past*. Oxf., 2003. P. 259; Porciani L. *Prime forme della storiografia greca*. Stuttgart, 2001. P. 34–47.

¹² Маяк И.Л. «Римские древности» Дионисия Галикарнасского как исторический источник // Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Перевод с древнегреческого / Отв. ред И.Л. Маяк. М., 2005. Т. 3. С. 244–245.

¹³ Marincola J. *Authority and tradition in ancient historiography*. Cambr., 1997. P. 234–235.

¹⁴ Reinhold M. *Studies in Classical History and Society*. 2 ed. Oxf., 2002. P. 51.

¹⁵ Mehl A. *Römische Geschichtsschreibung. Grundlagen und Entwicklungen. Eine Einführung*. Stuttgart, 2001. S. 102.

¹⁶ Сидорович О.В. Анналисты и антиквары. Римская историография конца III–I вв. до н.э. М., 2005. С. 273.

¹⁷ Маяк. «Римские древности» Дионисия Галикарнасского... С. 243–269.

Уровень примечаний в рецензируемом издании (для читателя очень удобно, что они расположены в подстрочнике, а не в конце томов), в целом, весьма высокий и выгодно отличается от комментариев к переводам на русский язык некоторых других сочинений античной традиции. Даются сопоставления информации Дионисия и иных античных авторов, прежде всего Тита Ливия, сочинение которого является главным «параллельным» источником. Относительный объем примечаний, правда, различен для разных книг, – отметим особенно продуманный комментарий, выполненный И.Л. Маяк, А.М. Сморгачевым и Л.Л. Кофановым. Однако примечания содержат явно недостаточное количество «перекрестных» отсылок, когда один и тот же момент комментируется в разных частях перевода; при этом один комментарий расширяет (или отчасти дублирует) другой, а для читателя не дается соответствующих указаний на другие сноски по близкому поводу (в этом же или ином томе). Допустим, о тех же эдилах (коли уж мы их взяли для всяческого примера), имеются взаимодополняющие сноски на с. 131 и с. 148 второго тома (прим. 77 к кн. VI и прим. 33 к кн. VII), но «перекрестной» отсылки нет. Хотелось бы видеть большую «выстроенность» примечаний: для первого из ряда однотипных случаев – определение понятия, для последующих – ссылка на дефиницию при первом комментировании, уточнения к конкретному фрагменту и отсылка и на все другие, касающиеся данного понятия, примечания.

В комментариях даются необходимые для научных публикаций переводов указания на предложенные исследователями и издателями конъектуры (желательно бы только приводить библиографическую ссылку на соответствующие издания или дать хотя бы общий список использованных публикаций текста Дионисия), замечания филологического и историко-лингвистического характера. Другие элементы научно-справочного аппарата также отвечают требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, с редкой, но досадной неряшливостью (которой при наличии выпускающего редактора издания можно было бы и избежать). Например, вообще отсутствует информация о том, кто переводил книгу X; на обороте титула третьего тома написано: «Токмаков В.Н., кн. XI», без указания, имеющегося для других фамилий, на характер проделанной работы. Поэтому остается неясным, переводил ли Валерий Николаевич эту книгу, редактировал ли перевод (надеюсь, конечно, что не заполнял произвольно лакуны, хотя такая отсылка не противоречит и указанию на авторство, – пусть грустная шутка этих моих слов будет расценена правильно: издание предназначено не только для историков, но и для широкого круга читателей, часть которых можно легко ввести в заблуждение). Указатели составлены весьма подробно и детально, и, конечно, весьма помогут читателю, но имя составителя, к сожалению, не названо.

Издание перевода сочинения Дионисия очень нужно любому, даже должным образом подготовленному в области классической филологии, исследователю: целостный охват всего текста источника, необходимый при всяком использовании его информации, требует гораздо меньше времени, если он имеется на родном языке, – это дает возможность быстрее ориентироваться при обращении к тексту на языке оригинала, ускоряя и оптимизируя тем самым весь процесс работы историка. Для начинающего исследователя-антиковеда, еще не прошедшего всех ступеней и исторической, и филологической подготовки (находящегося на стадии вузовского или послевузовского образования), наличие такого перевода важно вдвойне. Поэтому я не сомневаюсь, что «Римские древности» Дионисия Галикарнасского будут теперь гораздо более активно привлекаться при написании квалификационных работ в российских университетах. Приходится при этом только высказать сожаление, что в данном издании нет параллельного греческого текста, – билингвы позволяют квалифицированному читателю сразу согласиться или не согласиться с предлагаемым переводом, стимулируя одновременно его исследовательскую мысль, а вдумчивому студенту, магистранту или аспиранту помогают глубже изучить классический язык. Надеюсь, что во втором издании (думаю, что оно обязательно потребуется), текст Дионисия будет представлен двуязычно.

Историки, начиная с древности, пишут историю своего народа, нередко и не в последнюю очередь для того, чтобы ознакомить с ней другие народы. Дионисий же писал свой труд, чтобы сделать более близкой римскую историю своему народу, грекам. Коллектив переводчиков и редакторов сделал римскую историю более близкой русскому народу, и передачей такой культурной эстафеты – во времени и пространстве – все они, принявшие участие в этом многолетнем марафоне, заслужили почестей победителей.

В.В. Дементьева